

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

Э. В. Рунг

ГРЕКО-ПЕРСИДСКИЕ ВОЙНЫ В ПОЭТИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ ГРЕКОВ: ОТ СИМОНИДА КЕОССКОГО ДО ЭСХИЛА

В современной историографии Греко-персидские войны традиционно — и надо сказать вполне справедливо — оцениваются как особенно выдающееся событие, имевшие судьбоносное значение для развития цивилизации Запада. Они нередко характеризуются как столкновение цивилизаций, первый масштабный конфликт между Западом и Востоком, противоборство греческой демократии и восточного деспотизма и т. п.¹ Следует, однако, обратить внимание на то, что эти современные оценки Греко-персидских войн имеют уже долгую традицию и в конечном итоге восходят к оценкам их современниками — греческими поэтами и писателями первой половины V в. до н. э. Именно к этому периоду следует относить возникновение стереотипного представления о Греко-персидских войнах, для которого характерны, во-первых, изображение этих войн как проявления «извечного» конфликта между Грецией (Европой) и Персией (Азией), во-вторых, как борьбы за свободу против персидского порабощения, в-третьих, как соответствующего рубежа в собственной истории, сравнимого по своему значению разве только с Троянской войной, а также отправного момента в развитии целого ряда идей и лозунгов для будущей войны с персами — возмездия и завоевания Азии, нашедших выражение в доктрине панэллинизма IV в. до н. э. Названные идеи впервые былизвучены современниками великих войн с Персией — Симонидом Кеосским, Пиндаром и Эсхилом, затем нашли отражение в творчестве более поздних авторов — Геродота, Фукидса, Тимофея Милетского и в более позднее время ораторов Горгия, Лисия, Ксенофонта и Исократа.

В данной работе будет рассмотрено возникновение стереотипного представления Греко-персидских войн у эллинских авторов, которые могли воочию наблюдать великий конфликт с Персией, оставивший долгую память для потомков: Симонида Кеосского, Пиндаром и Эсхилом. Их произведения отличаются друг от друга по жанру. Однако объединяет их то, что названные авторы мастерски создавали *поэтические* образы, которые оказывали огромное влияние на формирование общественного мнения не только их современников, но и потомков. Первым автором, к которому мы обращимся, — Симонид Кеосский. Он был современником Греко-персидских войн, и в его литературном наследии тема борьбы греков против Персии была доминирующей. Начнем с того, что в 1992 г. были опубликованы папирусные фрагменты элегий Симонида «Спартiates при Платеях», которые продолжают вызывать неугасающий интерес современных исследователей (Sim., F. 11–14 West)². Фрагментарный характер дошедшей до нас элегии, разумеется, препятствует полному анализу этого литературного

памятника, все же представляется возможным сделать некоторые замечания. Примечательно, что элегия начинается с «гимна Ахиллу» (строки 1–22: прославление его военных качеств, упоминание его достижений и смерти), который вводит основное повествование о самом сражении³. Это первый по хронологии случай появления непосредственных аллюзий на события Троянской войны⁴. О том, что в период написания элегии Симонида у греков уже были популярны сравнения Греко-персидских войн с Троянской войной, свидетельствует коммеморативная надпись на одной из трех Герм, воздвигнутых на Портике по случаю афинской победы при Эйоне над персами около 476 г. до н. э. (её автором также часто считают Симонида). В ней проводится параллель между войной против персов и походом легендарного афинского царя Менесфея вместе с Атридами против Трои (Sim., XL Page=Aesch., III, 185=Plut. Sim., 6), параллель явно преувеличенная, поскольку Гомер не проявляет интереса к роли Менесфея и афинян в Троянской войне (имеются всего четыре краткие ссылки на Менесфея, сына Петея, в том числе и в «каталоге кораблей», в котором тот назван предводителем афинян: II., II, 552; XII, 331; XIII, 195, 690). В других фрагментах той же элегии Симонида с большой вероятностью восстанавливаются строки, в которых автор называет своим намерением сочинить песню, чтобы «всякий впоследствии вспомнил мужей, которые Спарты и Элады отвратили день рабства...»⁵. Вслед за этим Симонид описывает выступление спартанцев из своего города «вместе с сыновьями Зевса и с укрошающими коней героями Тиндаридами и могучим Менелаем, старинными предводителями полиса, которых выводит доблестный Павсаний, сын Клеомброта» (F. 11, строки. 29–34)⁶. В одном из фрагментов прочитывается фраза, что некто (вероятно, как обычно считают, бог Арес) изгонит персов из Азии—ἐξ Ἀσίης ἐλάσει (F. 14, строки. 7). Можно предположить в этой строке намек на то, что идея вторжения греков в Азию возникла уже после освобождения Греции от персидских войск в 479 г. до н. э. По мнению М. Л. Уэста, под Азией здесь подразумевается Иония, и говорится об изгнании персов из этой части мира⁷. Это заключение подтверждают и другие комментаторы элегии Симонида, предпочитая видеть в указанных строках аллюзию на освобождение Ионии силами Делосского союза⁸. Данное мнение, однако, оспорил М. Флауэр. Он обратил внимание на то, что во время написания элегии Симонидом Азией называли земной массив, сопоставимый по размеру с Персидской державой, кроме Египта, в который входила значительная часть Африки. Надо заметить, что М. Флауэр первым увидел в этих строках Симонида свидетельство того, что «идея вторжения вглубь Персидской державы уже была озвучена в 470-е гг. до н. э.»⁹. С предположением М. Флауэра, разумеется, следует согласиться, однако, необходимо вспомнить, что основной целью Делосского союза как раз и было перенесение военных действий на территорию Азии (Thuc., I, 96), тогда как продолжение войны против Персии предполагало только возмездие, а не завоевание Востока. Симониду Кеосскому приписываются также многочисленные эпиграммы и эпитафии по случаю сражений при Марафоне, Саламине и Платеях. Большинство из них дошло до нас в литературной обработке последующего времени (главным образом в «Палатинской антологии»), некоторые представлены в эпиграфических документах, но даже в этом случае они обычно имеют вид надписей, которые сохранились до нашего времени в более поздних копиях. Поэтому проблема достоверности материала является ключевой для интерпретации текста эпиграммы времени Греко-персидских войн¹⁰. Однако среди эпиграмм и эпитафий есть и такие, аутентичность которых практически не вызывает никакого сомнения в эпиграфическом плане. В них не только прославляются достижения отдельных греков (эпитафия афинянину Каллимаху: Tod., I, 13)

или граждан греческих полисов, но и наглядно отражены, во-первых, идеи борьбы за свободу в период Греко-персидских войн, а, во-вторых, представления о войне греков не только за свой собственный полис, но и за всю Элладу в целом, т. е. идеи панэллинского единства в борьбе с общим врагом всех греков — Персией. Восприятие Греко-персидских войн греками как борьбы за свободу отражает традиционные представления греков об этих войнах, известные нам из декрета Фемистокла (ML., 23) и «Платейской клятвы» (Lyc., in Leocr., 81; Diod., XI, 29, 4; Tod., II, 204)¹¹.

Но обратимся к источникам. В одной афинской эпиграмме, приписываемой Симониду, сообщается, что афиняне сражались «пешими и на быстроходных судах, чтобы никто не увидел день рабства всей Эллады» (IG. I³, 503 = ML., 26, I = Sim., XXa Page)¹². Нужно заметить, что это единственная строка из эпиграммы, в отношении прочтения которой не возникает разногласий у эпиграфистов. Хотя эту эпиграмму исследователи считают вполне аутентичной и синхронной Греко-персидским войнам, однако, более точная ее датировка, как и событие, которому она была посвящена, остаются спорными в историографии¹³. Первые издатели фрагментов надписи полагали, что они посвящены празднованию победы Афин при Марафоне (общепринято название — «эпиграммы Марафона»). Ф. Якоби, в частности, интерпретируя эту эпиграмму, замечает, что афиняне на самом деле верили, что победой при Марафоне не только спасли свой собственный город, но и отстояли свободу Греции в борьбе против общего врага, который уже поработил греков Малой Азии¹⁴. Другие исследователи, однако, полагали, что строки эпиграммы относятся к сражению при Саламине. Последняя точка зрения находит в настоящее время почти всеобщее признание. Например, У. Вэст, аргументированно отстаивая указанную точку зрения, полагает, что не существует никаких свидетельств от начала V ст. до н. э., которые бы подтверждали, что Афины своей победой при Марафоне спасли Грецию от порабощения (впервые такая идея высказана афинскими ораторами IV в. до н. э.)¹⁵. Р. Мейггз и Д. Льюис также придерживались указанной точки зрения (ML., 26). К. Раафлауб, в частности, замечает, что «после многих споров, кажется, достигнуто общее соглашение, что поэмы были помещены на монументе афинским героям, которые сражались при Саламине и Платеях»¹⁶. В контексте нашего рассмотрения темы «свободы» эта дискуссия имеет не столь принципиальное значение — важнее то, что документ относят к периоду 490–480 гг. до н. э. Подобные же мотивы звучат в мегарской надписи, согласно которой «мегаряне доставили день свободы Греции и самим себе» (Tod. I, 20, 5 = IG. VII, 53 = Sim., XVI Page). Документ сохранился в копии римского времени (IV или даже V в. н. э.); в самой надписи упоминается об авторстве Симонида Кеосского: Σίμωνιδης ἐπόει (строка 4). Симониду Кеосскому принадлежит наиболее раннее свидетельство о воздвижении алтаря Зевса Элевтерия (Освободителя) в Платеях: он упоминает об этом в эпиграмме, которая была помещена на алтаре: «Эллины, силою рук и Ареса искусством, и смелым / Общим порывом сердец — персов изгнав из страны, / В дар от свободной Эллады Освободителю-Зевсу / Некогда здесь возвели этот священный алтарь» (Sim., XV Page). О принятии греками решения о воздвижении в Платеях алтаря Зевса Элевтерия сообщает Плутарх. Он пишет, что в ответ на некое обращение афинского стратега Аристида и спартанского военачальника Павсания к дельфийскому оракулу тот повелел соорудить алтарь Зевсу Элевтерию, но жертв не приносить до тех пор, пока по всей стране не будет погашен огонь, оскверненный персами, и зажжен новый, чистый — от алтаря в Дельфах¹⁷. После победы при Платеях греческие военачальники отправились по городам, заставляя всех, у кого горел огонь, тушить его, а платеец Эвхид доставил священный огонь из Дельф в Платеи (Plut.

Arist., 20). Фукидид (II, 71, 2) также упоминает о жертвоприношении Зевсу Элевтерио, совершенное военачальником Павсанием на агоре Платей: «Ведь лакедемонянин Павсаний, освободив Элладу от мидян в союзе с эллинами, которые приняли участие в битве с мидянами... принес жертву на платейской площади Зевсу Элевтерию». Об учреждении культа Зевса Элевтерия после победы над персами говорится и в сообщениях лексикографов. Следует заметить, что появление самого культа Зевса Элевтерия (отождествляемого также с Зевсом Сотером), возможно, относится к более раннему периоду, чем Греко-персидские войны. Однако достоверно известно, что в ряде балканских греческих полисов подобный культ был установлен с целью празднования победы греков над персами при Платеях. Таким же был культ Зевса Элевтерия в Платеях и Афинах, о котором существуют эпиграфические свидетельства, и, возможно, также и в Спарте¹⁸. Павсаний замечает, что медный алтарь и статуя Зевса Элевтерия из белого мрамора стояли в Платеях недалеко от общей могилы павших в сражении (Paus. IX, 2, 4). В других известных эпиграммах Симонида Греко-персидские войны также представляются как борьба за свободу (ἐλευθερία) всей Эллады (Sim., VIII; X; XV Page) и противостояние тягостному рабству (δουλοσύνη) (Sim., XVIII Page). Однако, наряду с выражением идей свободы, Симонид Кеосский, разделяя панэллинские настроения своих современников, часто ссылается на ἀρετή греков при защите не только своего родного полиса, но и всей Эллады в целом (афиняне: Sim., XXa; опунтские локры — ὑπὲρ Ἑλλάδος: Sim., XXIII Page).

Подобные идеи разделял и Пиндар, который был уроженцем Фив, занимавших в период Греко-персидских войн персофильскую позицию. Однако знаменитый поэт, очевидно, находился в числе тех, кто не поддерживал политический курс на сотрудничество с персами, проводившийся фиванскими олигархами,—Аттагином, сыном Фринона (Hdt. IX. 15–16, 86, 88; Athen. IV. 30; Paus. VII. 10. 2; Plut. De Her. malign. 864 F) и Тимегенидом, сыном Герпия (Hdt. IX. 38, 86–87; Paus. VII. 10. 2). В одном из фрагментов Пиндара битва при Артемисии определяется как событие, при котором «сыны афинян заложили сияющее основание свободы» (ὅθι πᾶδες Ἀθαναίων ἐβάλοντο φαειννὰν κρῆτιδ' ἐλευθερίας) (Pind., fr. 76 Maeler). В 8-й Истмийской оде (478 г. до н. э.) в честь победы Клеандра Эгинского Пиндар намекает на Греко-персидские войны: «из великих мы вышли бед», «некий бог отвел Танталову глыбу от наших глав, непереносимую для Эллады тягость, страх ушел...», «и только со свободой,—σὺν γ' ἐλευθερίᾳ,—излечение смертных» (Pind., Isthm., 8, 9–15). Дж. Финли полагал, что в этих строках поэт непосредственно ссылается как на «Танталову глыбу» (Τάνταλος λίθος) на мидийцев и последующую акцию возмездия со стороны греков, приведшую к осаде и взятию города греками под командованием Павсания¹⁹. Это мнение поддерживает Б. Айзек²⁰. Однако К. Раафлауб справедливо считает, что в этой оде Пиндар, вероятно, отражает не «узкий фиванский взгляд» на события, а утверждает, что греки рассматривали свое спасение от угрозы Ксеркса и опасности персидского порабощения как милость, поскольку не ожидали избавления от своей тягостной участии²¹.

В 1-й Пифийской оде (470 г. до н. э.) в честь победы Гиерона Этнейского в колесничьем беге Пиндар сравнивает победы сиракузского тирана Гелона над этрусками при Куме и карфагенянами при Гимере в 480 г. до н. э. со сражениями Греко-персидских войн—Саламином и Платеями: «Пусть же в домах остается финикиец, / смолкнет тирренов военный клич! / Вспомнят пусть Кумский морской / бой многостонный. / Что претерпевали они в тот день, / когда сиракузский вождь / их расцветающую юность поверж / с кораблей быстроходных в пучину морей, / спас Элладу от тяжких рабских оков (Ἐλλαδ' ἔξέλκων βαρείας δουλίας). Я хотел бы / теперь / дружбу афинян стяжать,

воспев Саламин, / Спарте же песню сложу я про бой Киферонский, / где пал перед ней / строй криволуких мидийских стрелков. / Огласится / пусть полноводной Гимеры берег / новой победы хвалой / в честь Дейномена храбрых сынов. / Эта песнь — им награда за то, / что бежали дружины» (Pind., Pyth., I, 71–80; пер. М. Грабарь-Пасек с изменениями). Таким образом, Пиндар считает победы при Гимере и Кумах избавлением от «тяжелого рабства», которое выступает здесь антитезой «свободе». Причем, поэт следует греческой традиции, выраженной также Симонидом (frg. 141 Bergk), что Гелон в этих битвах, особенно с варварами-карфагенянами, которые считались союзниками Ксеркса (Diod., XI, 1, 4; Schol. Pind. Pyth., I, 146b), оказал большую помощь эллинам в освобождении Греции в 480–479 гг. до н. э.²² Однако справедливости ради следует сказать, что в поэзии Пиндара тема Греко-персидских войн не была основной, и в этом его отличие от Симонида Кеосского и драматургов.

Воздействие Греко-персидских войн на общественное мнение греков было столь значительным, что первые афинские драматурги Фриних и Эсхил посвятили этим событиям свои «исторические драмы». Первой такой драмой стала трагедия «Взятие Милета» — Μιλήτου ἄλοστς, о Ионийском восстании против Персии, поставленная на афинской сцене около 492/1 г. до н. э. Она повергла зрителей в столь глубокую печаль, что драматург был оштрафован на 1000 драхм за то, что «напомнил о страдании близких людей», а его трагедия была запрещена к повторной постановке (Hdt., VI, 21). Спустя почти 15 лет, уже после отражения нашествия Ксеркса, в 477/6 г. до н. э. Фриних поставил другую драму — «Финикияне» (её другое название — «Персы»), причем, её хорегом выступал сам Фемистокл (Plut. Them., 5, 5). Поскольку «Взятие Милета» не сохранилось, а от «Финикиянок» дошли только отдельные фрагменты, то первой полностью сохранившейся «исторической драмой» были «Персы» Эсхила, сына Эвфориона. Она была поставлена в театре на Великих Дионисиях в 472 г. до н. э., а её хорегом стал Перикл, тогда еще только начинающий свою политическую карьеру. Эсхил участвовал в сражении при Марафоне 490 г. до н. э., которому он посвятил не сохранившуюся до нашего времени элегию, и в битве при Саламине 480 г. до н. э. (Vita Aesch., 1)²³. Таким образом Эсхил в «исторической» драме «Персы» представляет точку зрения современника и участника войны греков с персами. Именно у Эсхила впервые в сохранившейся до нашего времени греческой литературной традиции непосредственно заявлена идея персидского господства над Азией²⁴. Эсхил называет Ксеркса «неистовым владыкой многолюдной Азии» (πολυάνδρου δ' Ἀσίας θύριος ἀρχῶν) (73), объявляет Азию «страной царя» (Ἀσία δὲ χθῶν, βασιλεὺν γαίας) (929) и отмечает притязания персидских царей на управление этой землей по «божественному» праву: «Такого разоренья в городе Сузах не было / С тех пор, как Зевс — владыка ниспоспал закон, / Чтоб всей землей стада растущей Азии / Всего один лишь правил жезлоносный царь» (762–764)²⁵. Именно этот драматург первым из греческих авторов классического периода представляет Греко-персидские войны как столкновение Азии и Греции, о чем можно судить по присутствующим в драме замечаниям: «вся мощь азиатская выступила в поход» (πᾶσα γὰρ ἵσχυς Ασιατο γενῆς οἴχωκε) (12–13); «вооруженный народ из всей Азии выступил по зову царя» (τὸ μαχαιρόφορον τ' ἔθνος ἐκ πάστης Ἀσίτης ἐπέτατ δειναῖς βασιλέως ὑπὸ πομπᾶῖς) (56–58); «земля Азии выступила против страны Эллады» (γὰς ἐπ' Ασίδος ἥλθετ... Ἐλλάδα χώραν) (270)²⁶. У Эсхила в «Персах» можно обнаружить и идею взаимосвязи Троянской и Персидской войн²⁷. Здесь следует обратиться к такому довольно колоритному сюжету как «сон Атоссы» (Pers., 179–192), где Эллада и Азия представляются родными сестрами. Этот сюжет свидетельствует о том, что греки верили в общность происхождении эллинов

и варваров. Примечательно, что при изложении «сна Атоссы» Эсхил отмечает расплюю (*στάσις*) двух женщин (Эллады и Азии), которая произошла еще до похода Ксеркса против греков (188). Персидский царь, желая их унять и успокоить (κατέίχε κατραινεῖ: 190), впряжен их в одну колесницу и надел ярмо им на шею. Результат известен: женщина в персидском одеянии послушно согласилась быть под ярмом, тогда как женщина в дорийской одежде сломала ярмо и сбросила упряжь. Таким образом, очевидно, драматург намекал на какой-то более древний конфликт, произошедший ранее Греко-персидских войн. Несомненно, текст Эсхила содержит скрытую аллюзию на события Троянской войны, которые (как это особенно выразительно прослеживается на материале более поздней греческой исторической традиции) воспринимались как начало противостояния Запада и Востока. Кроме того, в «Персах» Эсхила наиболее ярко отражаются панэллинские тенденции, выраженные, в частности, в том, что драматург представляет победу над персами как достижение всех греков. В драме часто упомянуты определения «эллины» (Pers., 334, 351, 355, 358, 362, 369, 790) и «Эллада» (Pers., 2, 50, 234, 271, 758, 796, 809, 824, 875). В то же время очевиден афиноцентризм Эсхила, поскольку из всех непосредственных участников войны с Персией названы только Афины (231, 285–286, 348, 355, 474, 716, 824). Именно афиняне, по мнению Эсхила, стяжали славу при Саламине (285, 286), и драматург, предвосхищая Геродота, заявляет в диалоге царицы Атоссы и хора персидских старейшин, что в случае победы над афинянами вся Эллада подчинилась бы царю Персии (234). По мнению Эсхила, Афины уцелели и победили благодаря своим «мужам» (349): «У них есть люди. Это щит надежнейший»²⁸). Некоторые намеки на Спарту, тем не менее, также присутствуют в тексте «Персов» Эсхила в виде упоминания «дорийской одежды», в которую одета одна из женщин, олицетворяющая Грецию (намек на спартанское предводительство греками в войне с Персией), а также «дорийского копья» (*δωρὶς λόγχη*) (817), которое сокрушит персов в битве при Платеях. Однако эти намеки столь редки, что поневоле создается впечатление, что борьбу эллинов с персами возглавляли именно Афины, как, впрочем, и было во время постановки драмы Эсхила «Персы» в 472 г. до н. э., когда афиняне во главе со стратегом Кимоном предводительствовали Делосской симмахии²⁹. Эсхил явно демонстрирует, что греки в период Греко-персидских войн борются за свою свободу, следовательно, против персидского порабощения. Драматург упоминает намерения персов «наложить рабское ярмо на Элладу» (*ζύγον δούλιον*) (50). Вообще же, по справедливому замечанию М. Андерсона, периодически повторяющийся образ, значение которого в «Персах» уже давно было признано,— это метафора ярма (*ζύγον*)³⁰. Кроме названного примера (50, 594), афинский драматург употребляет термин *ζύγον* в связи с упоминанием составленного из лодок моста, посредством которого Ксеркс соединил оба берега пролива Геллеспонт (72)³¹. Однако намного более выразительна метафора ярма в представлении драматургом знаменитого сна Атоссы: Ксеркс поместил под ярмо (*ὑπὸ ζεύγηστι*) и впряжен в одну колесницу женщин, олицетворявших Элладу и Азию; одна из женщин послушно согласилась находиться под ярмом, другая же сбросила конскую упряжь и сломала ярмо (181–197). Показателен содержавшийся в псане греков призыв сражаться за свое отчество и свободу: «О сыны эллинов! Идите, / освободите родину, освободите / детей, жен, богов отеческих храмы, / могилы предков, бой идет теперь за все» (Pers., 402–405)³². Эсхил не только недвусмысленно формулирует идею возмездия, но уже вполне ясно выражает призыв к возмездию. В произведении драматурга обнаруживаются следы той самой греческой, главном образом афинской, идеологии, согласно которой поводом к возмездию выступает святотатство персидского войска в Греции. Эта идея выражается в следующих

строках, вложенных им в уста тени Дария: «И где в расплату за мечты безбожные / И за гордыню горе ожидает тех / Кто в Грецию явившись, позволял себе / Кумиры красть святые и храмы жечь / До основания алтари разрушены, / С подножий сбиты и разбиты статуи. / Так вот не меньшим злом за это воздано / Теперь злодеям будет. Не исчерпана / страданий чаша. Бед еще полным-полно / И возлиянье совершат кровавое / Копьем дорийским греки под Платеями... Возмездье это видя, вечно помните / Элладу и Афины» (Aesch. Pers., 808–824). Эти строки Эсхила нуждаются в некоторых комментариях. В частности, драматург полагает, что возмездие совершается не только в результате поражения и гибели персов при Саламине, но оно ожидает их и в будущем, и с этой целью автор трагедии упоминает битву при Платеях³³. Теперь следует обратиться к вопросу о том, каким видел Эсхил завершение конфликта греков и Персии. Можно ли найти в «Персах» отголоски той самой идеи греков о походе на Восток, завоевании Азии, которая была одним из основных элементов греческой идеологии панэллинизма. Надо заметить, что такая идея в трагедии Эсхила не просматривается³⁴. Гибель Персидской державы видится только как следствие поражения при Саламине. Это поражение представлено как катастрофа вселенского масштаба для персов, приведшая к обезлюдению Персии (60, 730, 915, 927), поражению в войне (904–907) и гибели Персидской державы (1016). Возмездие, как уже говорилось, за преступления ожидает персов и в будущем, но Эсхил не идет далее упоминания сражения при Платеях. Нет даже намека на перенесение военных действий на территорию врага — задачу, которую греки продолжали осуществлять в год постановки драмы Эсхила. Итог поражения персов наиболее выразительно изложен драматургом в восклицаниях Хора: население Азии более не живет по персидским законам (*οὐκέτι περγονομούνται*) и не приносит подати по принуждению господ (*οὐδὲ τὶ δασμοφορούσιν δεσποτούνοισιν ἀνάγκαις*), не падает ниц (*οὐδὲ ἐσ γῆι προπίπτοντες ἄρξονται*)³⁵; люди перестали держать язык в узде (*οὐδὲ τὶ γλῶσσα βροτοῖσιν ἐν φυλακāις*), стал народ говорить свободно, т. к. освободился от ярма (*λέλυται γὰρ λαὸς ἐλεύθερα βάζειν / ως ἐλύθη ζύγοι ἀλκάς*) (Aesch., Per., 584–594). Таким образом, в указанных строках говорится, что население Азии в результате победы греков выберет свободу вместо персидского деспотизма и пребывания «в рабстве». Следует также задаться вопросом: могут ли данные строки указывать на мнение Эсхила, что население Персидской державы должно было поднять восстание против персов и свергнуть их господство, или же жители Азии будут освобождены греками. Надо думать, что первый вариант, несомненно, гораздо более правдоподобен. Драматург мог подразумевать события, подобные тем, которые потрясли Персию в первые годы царствования Дария I, или даже новое «Ионийское восстание», предпосылки к которому стали заметны уже с 479 г. до н. э.³⁶

В то же время многие идеи, выраженные впервые современниками великого конфликта греков и Персии, нашли отражение и дальнейшее развитие у Геродота. «Отец истории» также представляет Греко-персидские войны как конфликт Греции и «персидской» Азии, видит зарождение этого конфликта в мифическом прошлом, этапом развития которой стала Троянская война, видит в борьбе греков с персами противоборство греческого патриотизма с персофильством — мидизмом, греческой «свободы» с персидским деспотизмом. Именно «эллиноцентристская» картина Греко-персидских войн, во второй половине V в. до н. э. изображенная Геродотом, оказала огромное влияние на современников и потомков, особенно в плане создания своеобразной западной «концепции» Востока, получившей развитие в последующие эпохи,— концепции, которая, с легкой руки Э. Саида, получила звучное название «ориентализм».

¹ Green P. The Greco-Persian Wars: Year of Salamis, 480–479 BC. Berkeley, 1996. P. 3 ff; О. Мюорей, например, считает главной проблемой в греко-персидских отношениях в классический период общий конфликт между греками и Персией, который, по мнению исследователя, в частности представлял собой столкновение между восточным деспотизмом и греческой свободой (*Murray O. The Ionian Revolt // The Cambridge Ancient History. 2nd ed. 1988. Vol. 4. P. 475.*)

² Далеко не полный список работ, посвященных элегии Симонида: *West M. L. Simonides Redivivus // Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. 1993. Bd. 98. S. 1–14; Aloni A. L'elegia di Simonide dedicata alla battaglia di Platea (Sim. frr. 10–18 W²) e l'occasione della sua performance // Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. 1994. Bd. 102. S. 9–22; Boedeker D. Simonides on Platea: Narrative Elegy, Mythodic History // Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. 1995. Bd. 107. S. 217–229; Pavese C. O. Elegia di Simonide agli Spartani per Platea // Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. Bd. 107. S. 1–26.* Был издан дополнительный том к *Arethusa*, посвященный творчеству Симонида, с особым вниманием к новооткрытой элегии (*The New Simonides / Ed. by D. Boedeker, D. Sider / Arethusa, 1996. Vol. 21. № 2; The New Simonides: Contexts of Praise and Desire / Ed. by D. Boedeker, D. Sider. Oxford, 2001; Kowerski L. M. Simonides on the Persian Wars A Study of the Elegiac Verses of the «New Simonides». London, 2005; Andreoli F. Per un riesame critico del «nuovo Simonide» elegiaco. Parma, 2005.*)

³ См.: *Boedeker D. Heroic Historiography: Simonides and Herodotus at Plataea // The New Simonides... P. 125–127*

⁴ Аллюзии на события Троянской войны присутствовали также в труде Геродота (I, 4; VII, 20, 43). См. другие примеры сравнений Греко-персидских войн и Троянской войны в греческой литературе и иконографии: *Ferrari G. Ilioupersis in Athens // Harvard Studies in Classical Philology. 2000. Vol. 100. P. 119–150.* Г. Феррари анализирует материал с позиций филологии и искусствоведения, между тем, на мой взгляд, недостаточно уделяет внимание историческим интерпретациям сведений источников.

⁵ Строки 24–26. Русский перевод элегии Симонида см.: Эллинские поэты. VIII–III века до н. э. Эпос, элегия, ямы, мелика / М. Л. Гаспаров, О. П. Цыбенко, В. Н. Ярхо. М., 1999. С. 282–284.

⁶ *Boedeker D. D. Simonides on Plataea... S. 219.*

⁷ *West M. L. Simonides Redivivus // Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. 1993. Bd. 98. S. 8.*

⁸ См., например: *Pavese C. O. Elegia di Simonide... S. 18.*

⁹ *Flower M. A. From Simonides to Isocrates: The Fifth Century Origins of Fourth Century Panhellenism // Classical Antiquity. 2000. Vol. 19. № 1. P. 66–67.*

¹⁰ *Ostwald M. Freedom and the Greeks // The Origins of Modern Freedom in the West / Ed. by R. W. Davis. Stanford (Calif.), 1995. P. 48–49; Raaflaub K. The Discovery of Freedom in Ancient Greece. Chicago-London, 2004. P. 63–64.*

¹¹ Впоследствии в труде Геродота идеи борьбы за свободу против персидского порабощения нашли детальную концептуальную проработку (*Hdt., V, 49; VI, 11; 109; VII, 51; 139; 157; VIII, 140; 143; IX, 41; 60.*)

¹² Ср. также изречение оракула Бакида в изложении Геродота, содержащее ссылку на «день свободы Греции» (τὸτ' ἐλεύθερον' Ἑλλάδος ἦμαρ) (*Hdt., VIII, 77*).

¹³ О датировке см.: *Jacoby F. Some Athenian Epigrams from the Persian Wars // Hesperia. 1945. Vol. 14. № 3. P. 164.* О Симониде Кеосском как авторе эпиграммы см.: *Oliver J.H. The Marathon Epigrams // The American Journal of Philology. 1933. Vol. 56. № 3. P. 193–201.*

¹⁴ *Jacoby F. Some Athenian Epigrams... P. 166.*

¹⁵ *West W. C. III. Saviors of Greece // Greek, Roman and Byzantine Studies. 1970. Vol. 11. № 4. P. 273 ff.* М. Оствальд и К. Раффлауб также относили эту эпиграмму по случаю морского сражения при Саламине (*Ostwald M. Freedom and the Greeks. P. 49; Raaflaub K. Op. cit. P. 62*).

¹⁶ *Raaflaub K. Op. cit. P. 62.* Данное заключение, однако, основывается не на каких-то строгих эпиграфических свидетельствах, а главным образом на прочтении фразы в строке 3 документа I ἔσχον ύπαρ πεζοί τε καὶ ὀκιπόροι ἐπὶ νεῶν — «пешие и несущиеся на короблях»; однако восстановление ссылки на морское сражение разделяется далеко не всеми исследователями, предлагаются и другие прочтения.

¹⁷ Об историческом контексте этого оракула см.: *Кулишова О. В. Дельфийский оракул в системе античных межгосударственных отношений (VII–V вв. до н. э.). СПб., 2001. С. 282.*

¹⁸ О культе Зевса Элевтерия и одноименной стое в Афинах см.: *Rostovach V. J. The Cult of Zeus Eleutherios at Athens // Parola del Passato. 1987. Vol. 235. P. 262–285.*

¹⁹ *Finley J. H. Jr. Pindar and the Persian Invasion // Harvard Studies in Classical Philology. 1958. Vol. 63. P. 125, 128.*

²⁰ Isaac B. The Invention of Racism in Classical Antiquity. Princeton, 2004. P. 280.

²¹ Raaflaub K. Op. cit. P. 61–62. Собственно говоря, и в сколях к указанным строкам Пиндаря говорится о победе над персами (Schol. Pind., Isth., 8, 30a).

²² Другую традицию представляет Геродот. Об этом подробнее см. также: Высокий М. Ф. История Сицилии в архаическую эпоху. СПб., 2004. С. 164–178.

²³ Не только сам афинский драматург, но и его родственники были участниками сражений с персами. Один из братьев Кинайгейр сражался в битве при Марафоне (*Vita Aesch.*, 1; *Suid.* s. v. Αἰσχύλος), а другой, младший брат Аминий, отличился в Саламинском сражении (*Ael.* VH., 5, 19).

²⁴ Недостаточные сведения о представлениях греков архаического периода об Азии не дают возможности определить, появилось ли противопоставление Азии и Европы до решающего столкновения греков с Персидской державой. Однако все же представляется наиболее вероятным, что до победы греков в основных сражениях Греко-персидских войн и изгнания персов из Эллады еще не могла возникнуть указанная дихотомия, тем более что малоазийские греки, которые первыми испытывали на себе нападок восточных народов (лидийцев, а затем персов) были теми же самыми жителями Азии. Надо сказать, что в суждениях ранних греческих авторов наблюдаются нейтральные образы Азии, и даже подчас положительные. Самые первые образы Азии начинают формироваться еще в архаический период, когда Восток в глазах греков непосредственно ассоциировался с Лидийским царством Мерннадов. Хотя Гомеру и известно название Азии, тем не менее оно упоминается в «Илиаде» всего лишь один раз (см., например: II. II. 461: «в злачном Азиjsком лугу при Каистре текущем»), и в гомеровских поэмах нельзя встретить определенного представления об этом континенте. Иное дело Гесиод, который уже называет Азию «хлебородным краем» (πυρφόροι Ἀσίτης ἔδος) и сообщает о богатой пастбищами долине Герма (*Hesiod. Fr.* 180). Паросец Архилох говорит о «повелителе кормящей овец Азии», несомненно подразумевая Гигеса (βὸς Ἀσίτης κάρτερος μῆλοτρόφου) (*Archil.* fr. 227). В поэме «Нано» Мимнерма создает даже положительный образ азиатского континента: сообщается о прибытии поселенцев из Пилюса к берегам «вожделенной Азии» (*Mim. FgrHist.* 578. F. 3). Возможно, Эсхил следует подобной традиции, когда в «Прометея Прикованного» (411ff) говорит о «священном крае Азии» (ἄγνας' Ἀσίας ἔδος).

²⁵ У Геродота мы читаем: «Персы считают Азию и живущие там варварские племена своими. Европа же и Эллада для них чужая страна» (τὴν γὰρ Ἀσίην καὶ τὰ ἐνοικέοντα ἔθνεα βάρβαρα οἰκεῖοντα οἱ Πέρσαι, τὴν δὲ Εὐρώπην καὶ τὸ Ἑλληνικὸν ἡγύηται κεχωρίσθαι) (*Hdt.*, I, 4). В другом месте «отец истории» в аналогичном духе замечает: «Всю Азию персы считают своей и того, кто в данный момент царствует» (τὴν Ἀσίην πᾶσαν ιομίζουσι ἑωυτῶν εἶναι Πέρσαι καὶ τοῦ αἰεὶ βασιλεύοντος) (*Hdt.*, IX, 116).

²⁶ Подобной же поэтической традиции представления Греко-персидских войн как нападения Азии на Европу следует поэт конца V в. до н. э. Хойрил из Самоса, начинаящий свою эпическую поэму «Персидская война» (*Περσικά*) следующим образом: «Слово иное скажи мне о том, что с Азиjsкого края в земли Европы война явилась великая» (ὅπως Ἀσίτης ἀπὸ γαίης ἥλθεν ἐς Εὐρώπην πόλεμος μήγας) (*Choerilus F.1 PEG*).

²⁷ Странно, что Д. Бодекер заявляет: «Почти удивительно, что троянская аналогия не играет существенной роли в „Персах“ Эсхила, поставленной в 472 г. до н. э.» (*Boedeker D. D. Hetoic Historiography...* P. 126).

²⁸ Ср. опять же с откровенными заявлениями Геродота об Афинах как спасителе Эллады (*Hdt.*, VII, 139). О проафинских симпатиях «отца истории» см.: *Wells J. Herodotus and Athens // The Classical Philology.* 1928. Vol. 23. № 4. P. 317–331; *Demand N. Herodotus' Encomium of Athens: Science or Rhetoric? // The American Journal of Philology.* 1987. Vol. 108. № 4. P. 746–758; *Moles J. Herodotus and Athens // Brills Companion to Herodotus.* Leiden; Boston; Köln, 2002. P. 42–43.

²⁹ Об афиноцентризме Эсхила см. подробнее: *Lattimore R. Aeschylus on the Defeat of Xerxes // Classical Studies in Honor of William Abbot Oldfather.* Urbana, 1943. P. 91–93.

³⁰ Anderson M. The Imagery of the Persians // *Greece and Rome.* 1972. Vol. 19. № 1. P. 167.

³¹ Ср. с рассказом Геродота о том, что Ксеркс бичевав Геллеспонт, бросил в море пару оков — πεδέων ζεῦνος (*Hdt.*, VII, 35).

³² Обращает на себя внимание та «терминология свободы», которая столь очевидна в строфах Эсхина на греческом ?Ω πάιδες' Ελλήνων, Ιτε, ἐλευθεροῦτε πατρίδ, ἐλευθεροῦτε δὲ πάιδας, γυναικας, θεών δὲ πατρών ἔδη, θήκας τε προγύνων μην ὑπὲρ πάιτων ἀγων.

³³ Для Геродота идея возмездия играет исключительно важную роль в историческом повествовании (V, 102; VI, 101, 105; VII, 8), однако историк, хоть и дает информацию о злодеяниях персов в отношении греков (VI, 19, 25, 32–33, 96, 101; VIII, 32–33, 53, 109, 140, 143; IX, 13), тем

не менее не призывает к осуществлению греками возмездия. Об идее возмездия в политике греков по отношению к Персии: *Bellen H. Der Rachgedanke in der griechisch-perischen Auseinandersetzung // Chiron.* 1974. Bd. 4. S. 43–69; *Gehrke H.-J. Die Griechen und die Rache: Ein Versuch in historischer Psychologie // Saeculum.* 1987. Bd. 38. S. 121–149.

³⁴ М. Флауэр, правда, замечает, что некий не вполне ясный намек на вторжение извне может быть найден в восклицании тени Дария (*Aesch.*, Pers., 751–752): «Боюсь я, что трудов моих плоды, / Что богатства наши может первый встречный захватить» (*Flower M.A. From Simonides to Isocrates. P. 69*). Собственно говоря, можно найти пару упоминаний об идеи вторжения греков в Азию и в труде Геродота: сообщаемый «отцом истории» план совместного спартано-скифского вторжения в Азию (VI, 84); план вторжения в Азию, который предложил Аристагор Мiletский царю Клеомену в Спарте (V, 49, 3–9).

³⁵ Довольно примечательно упоминание земных поклонов, которое свидетельствует о знании драматургом персидского ритуала проскинесиса.

³⁶ И. Канциос видит в этих строках Эсхила имплицитное указание на греческие города и острова Малой Азии, которые только одни были освобождены вследствие неудачи экспедиции Ксеркса (*Kantzios I. The Politics of Fear in Aeschylus' Persians // The Classical World.* 2004. Vol. 98. № 1. P. 10).